

Александр Адабашьян: муха, наверное, тоже думает, что выполняет миссию

Татьяна Рассказова

— Пока ваши кинематографические коллеги усиленно мелькают в различных телешоу — от политических до чуть ли не эротических, — вы мало того что в свет не выходите, но даже уединяетесь на даче (это в такую-то погоду!). Может быть, от кредиторов прячетесь или сценарий для Депардье сочиняете?

— Действительно сочиняю. Правда, не для Депардье. Есть несколько идей, но сейчас вместе с Сергеем Волынцем занимаемся нашей многосерийной телефильмом под названием «Дом».

А по поводу артистов и писателей, которые участвуют в предвыборной кампании... Знаете, при любой акуле есть стайка рыбко-лоцманов — ярких таких, полосатеньких. Кажется, будто они указывают ей дорогу. На самом деле — просто плывут рядом и питаются тем, что она не доеда. Акула, как правило, погибает раньше, поскольку жизнь у нее беспокойная и рыбки тут же прилепляются к другой. Самостоятельно существовать они не могут.

— Но, глядишь, кое-кто и в акулы пробьется.

— Не-е-т, акул из них не получится, просто кто-то будет лоцманом покрупнее, кто-то — помельче. В зависимости от рациона.

— На вопрос, много ли у вас друзей, вы однажды ответили: «Их нет. Был один. Я не хочу искать экстренную замену». Скажите, их нет, потому что вы не научились быть терпимым и не позволяете превращать себя в телефон доверия и службу скорой помощи? Или как раз потому, что позволяете? (Дорогие друзья на голову садятся.)

— Наверное, с моей стороны это проявление эгоизма. Есть много людей, с кем я с удовольствием общаюсь, но человека, на которого можно полностью положиться, который все о тебе знает, с которым, допустим, все общее, — такого нет. И честно говоря, сейчас просто не ощущаю в нем потребности. Это не значит, что если такой человек появится, я из рациональных соображений его отпихну. Наверное, нет.

— Я было решила не расспрашивать вас о причинах распада творческого содружества с Никитой Михалковым, а удовлетвориться где-то вычитанной вашей фразой, что у некогда плодовитого тандема, по-видимому, просто детородный период закончился. Но все же скажите, носил ли разрыв хоть в какой-то степени оттенок размежевания между западником и славянофилом?

— Нет, ничего похожего. Мы дружили с четырнадцати лет, потом работали вместе. Замечательные. Во всяком случае, ни о чем из прошлого я не жалею и не собираюсь его пересматривать. Да и ссоры как таковой — чтоб это была какая-то сцена с мордобоем и разделом имущества — между нами не состоялось. Состоялось просто плавное расхождение. Не работаем больше вместе, вот и все.

— Кто-то из журналистов отнес вас к немногочисленной категории людей, осознающих, что от нас в этом мире мало что зависит. На чем вы, что называется, разбили лоб?

— Ни на чем лба не разбивал, просто достаточно почитать, к примеру, Песталоцци...

— А вы всегда верите печатному слову?

— Нет, ну почему? Не в этом дело, я просто к тому, что его педагогические задачи двухсотлетней давности вполне применимы к школе сегодняшнего дня. Из этого я делаю вывод, что в тот ничтожно короткий срок, который разумное человечество прожило, никаких изменений в его природе не произошло. Никакое искусство, никакая наука, никакие социальные теории его не улучшили и не ухудшили.

Я также не считаю, что человеческая деятельность может что-то кардинально изменить в мире. Даже в смысле климата и погоды. Сколько бы ни наделали озоновых дыр, если это будет угодно, они будут существовать, не будет угодно — затянута. Не мы этими процессами управляем.

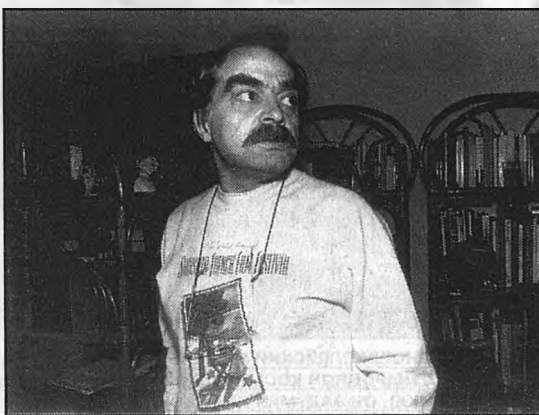
— Тогда опять же получается, что все позволено, уж извините за банальность.

— До определенной степени да. Я уже писал об этом: то, что происходит в сегодняшнем мире, — очередная мировая война. Великий хирург Пирогов называл войну эпидемией травматизма. Немножко развиз это определение, можно сказать, что война — эпидемия насилия. Поскольку накоплено огромное количество оружия массового поражения, то она не может идти традиционными методами, иначе это кончится истреблением человечества, и она происходит «в розницу», по частям. Взбесились все. Квебек хочет отделить-

ся от Канады, в Италии идут разговоры, что неплохо бы разрезать страну на Север и Юг, во Франции сходит с ума Корсика, в Америке из-за опасности расовых волнений убийцу освобождают только потому, что он негр, ополоумело пол-Украины, а у нас эта история с Чечней — только начало. Ну и так далее. То есть, всеобщее безумство.

А когда этот вирус, эта бактерия овладевает массами, единственный способ уберечься — заниматься личной гигиеной, по возможности обращаясь к тем людям, которые тебя слушают: «Мойте руки, не вылизывайте чужих тарелок, не стойте в большой толпе, где чихают и кашляют бактерии, не слушайте этих речей — можете подцепить воздушно-капельную инфекцию. Старайтесь держаться подальше».

Эпидемия пройдет так же, как и началась, как проходили все эпидемии, — почитайте хоть «Войну и мир» Толстого, философские рассуждения, которые в школе все пропускали. Ну, действительно, как объяснить, что в 1812-м, например, году мирные французские буржуа хватают ружья и вслед за маленьким капралом, которого они в глаза не видели (тогда же не было телевидения и прессы), бегут завоевывать Россию, о существовании которой не имели понятия? Как возник этот психоз?

Нам все кажется, что мы достигли высшей стадии знания, что человек направляет все мировые процессы, что захотим — все перевернем, что от нашей деятельности может измениться климат. Никакая это не деятельность, это функционирование в пределах дозволенного кем-то или чем-то объема полномочий.

— Вы так логично и правильно рассуждаете, что из духа противоречия хочется спросить, а удастся ли вам хоть иногда жить страстями?

— В последнее время удается ими не жить. Не могу сказать, хорошо это или плохо. Общих рецептов никаких нет: «живите страстями», «не живите страстями»... Живите, как вам хочется.

— Временно проживая в городе Париже, вы изумляли французских сообщениями, что Золя отнюдь не самый гениальный писатель, тогда как Мопассан на три порядка выше. А чем удивили московских продюсеров, которые, видимо, немалые деньги вложили в вашу сорокасерийную мыльную эпопею, премьера которой грянет на ТВ?

— Никого ничем не удивлял. Заказ был предложен мне продюсером Матвеем Сапрыкиным, с которым мы учились когда-то в средней школе № 2 имени Романа Роллана. Правда, с тех пор тридцать лет не виделись. А идея шла от американцев: предлагалось навать произведение, прикладной смысл которого состоял бы в обучении покрытых диким волосом россиян существованию в условиях рыночной экономики. Поначалу я отказался, но потом идею удалось трансформировать, придумать определенные ходы и работать стало интересно.

— А вы не чувствуете себя прикованным к галере? Всё-таки несколько десятков серий...

— Нет, мы пишем циклами. И, например, ренуаровскую историю я закончил уже в процессе работы над сериалом.

— Французский проект, надо полагать?

— Да. Написал сценарий и, если ничего не случится, буду на этом фильме художником. Сюжет — история отношений внутри одной компании, сложившейся летом 1880 года, и создания Огюстом Ренуаром картины «Обед гребцов». Своего рода апокриф: на самом деле ренуаровская картина родилась несколько иначе.

Был определенный смысл в том, что французы пригласили для этой работы иностранца. Ну что для меня Жанна Самари, Гюстав Кайботт, барон Барбье, изображенные Ренуаром? Если бы речь шла о картине, на которой, к примеру, Ермолова закусывает в обществе Крамского и Саввая Морозова, я бы себя так свободно и вольно в материале не чувствовал.

Летом 1880-го прообразы наших персонажей были совсем молоды. Ренуар еще не был признан великим, Жанна Самари и Элен Андрэ отнюдь не считались звездами масштаба Сары Бернар и так далее.

— Но в чем для вас состоял интерес обращения к этой эпохе? Предполагались аллюзии с современностью?

— Нет, Боже упаси. Терпеть этого не могу. Просто когда читаешь литературу XIX века, не устаешь удивляться поразительному несоответствию образов тогдашних французов французам нынешним. В книжках среднестатистических французов при каждом удобном случае хватается за шпагу, а типичная француженка норовит заняться любовью из любого положения.

Сегодняшние французы — за редким исключением — скучные, прагматичные, какие-то стертые, легко прогнозируемые, закомплексованные люди. Не могла же постичь массовая aberrация зрения всех, кто посещал Францию или писал о ней в XIX веке? Взгляд, в частности, и на эту проблему будет обозначен в фильме.

Примерно с начала нынешнего века история Франции стала складываться странным образом. Очень таинственным выглядит ее поведение в первой мировой войне. И однозначно гнусным — во второй. Как вы знаете, вишистское правительство сдало страну. Гестапо чудно сотрудничало с французской полицией, которая отлавливала евреев и коммунистов куда шустрее, чем немцы. За всю войну Франция потеряла 20 тыс. человек. Знаменитый экспедиционный корпус, которым командовал де Голль, в 1945 году подавил национально-освободительное восстание в Алжире с такой жестокостью, с которой не сравнятся никакие Самашки. Так что солдаты, сплошь марокканцы и сингалезы, не могли вернуться в свои страны, поскольку были бы немедленно расстреляны за сотрудничество с французами, и доживали в огромных концентрационных лагерях — гетто в центре страны. Всего этого вроде бы и «не было».

Зато был создан имидж «всей Франции», которая, надев береты, вступила в Сопротивление. На самом деле Сопротивление было крохотным ручейком в сравнении с гигантским течением коллаборационизма. Но и этого, опять же, как бы «не было».

Эта национальная амнезия сейчас начинает занимать тех людей, которые хотят понять, что же все-таки с ними произошло.

А в 1880-м существовала другая, совершенно поразительная Франция. Только что жесточайшим образом была подавлена Коммуна, но это было сделано гласно, и смысл жестокости был усвоен нацией. Сгоревший дворец Тюильри специально десять лет не ремонтировался — стоял в центре Парижа, как гнилой черный зуб, как напоминание: захотите снова заигрывать с рабочим классом, забавляться социальными теориями — пойдете и понюхайте.

Перед Коммуной была франко-прусская война, которую французы проиграли. И поражение было признано. Это было честно, то есть страна находилась в гармонии с самой собой.

— Но каким образом ситуация гармонии конца XIX века и ситуация нынешней национальной амнезии замкнуты на будущем фильме?

— Просто хотелось показать ту прекрасную Францию — скажем так, Францию до грехопадения. Это все равно, что во время войны найти фотографию чаепития в том самом садике, где сейчас все разгромлено и разворочено.

...Чего-то я глубоко забрался в рассказе об этой работе. Давайте о чем-нибудь попроще.

— Попроше не получится: я вам кучу судьбоносных вопросов заготовил. Но, так и быть, последний. Некоторые вполне серьезные и весьма одаренные люди точно знают, зачем они в этот мир «посланы». А вы догадываетесь о своем предназначении?

— Ну, во-первых, я не думаю, что послан неким божественным провидением, чтобы исполнить какую-то важную миссию. Все в равной степени «посланы» и участвуют в процессе, смысла, целей и задач которого не знают. У Мамина-Сибиряка есть хорошая сказочка про мух. С точки зрения мухи мир очень логично устроен. Зачем, например, нужна кухарка? Затем, что она им, мухам, провизию носит. Таким образом, у всех людей есть какие-то функции применительно к существованию мух — очень логичное мухоцентрическое строение мира. Может быть, и мухе можно вот так же задать вопрос, для чего она послана? Наверное, она тоже считает, что выполняет миссию.

Говорю без всякого кокетства, что не считаю, будто человеческая деятельность по полезности чем-то отличается от деятельности той же мухи. Только что следы от нас покрупнее. Кучи побольше делаем, соответственно. Ну зато мухи этим и питаются.